

Свести к нулю Новую политику в Зале Тайцзи — новость об этом пролетела по столице, и настроение в городе мгновенно изменилось.

Глава цензората и влиятельные сановники из консервативного лагеря потерпели сокрушительное поражение на придворном совещании, и затаенная в их сердцах злоба разрослась дикой травой. Не сумев одолеть регента в честном споре по правилам ведения дел, они обратили свои коварные взоры на молодого помощника министра финансов.

Чиновники из партии чистых всегда почитали свою репутацию дороже жизни. Хэ Чанвэй в гневе покинул зал заседаний, но при этом то и дело тайно наведывался в резиденцию регента и даже идеально сработался с Чжань Сюйтанем при составлении сметы, что, без сомнения, дало политическим противникам самый железобетонный козырь.

На следующее утро в столичных чайных, винных домах и на оживленных переулках исподволь начали ползти слухи.

Сплетники, брызгая слюной, оглашали сцену ударами деревянной колотушки о стол, рассказывая о том, как благородный цензоратский муж продал свою совесть ради почестей и добровольно стал цепным псом властолюбца. Слова были пропитаны ядом отборной клеветы: Хэ Чанвэя выставляли фальшивым подлецом, который лишь притворяется праведником, а за спиной преклоняется перед силами зла ради чинов и выгоды.

Почтенные гости, только подумайте: почему господин Хэ, что раньше ежедневно отговаривал государя ценой собственной жизни, нынче сам взялся скрупулезно подсчитывать монеты для регента? Да всё потому, что он ослеплен богатством и славой поместья, забыв о долге ради наживы!

Гордость ученого мужа? Тьфу! Не больше чем товар, ждущий своего покупателя!

Слухи расходились по улицам подобно чуме. Всего за два дня ученые круги столицы всколыхнулись: множество литераторов и поэтов толпились у входа в Гоцзыцзянь, сокрушенно вздыхая и проливая слезы, а особо ревностные даже побежали к воротам особняка Хэ Чанвэя — забрасывать их нечистотами и рвать книги.

В Управлении министерства финансов воздух стал тяжелым и удушливым.

Коллеги бросали на него взгляды, в которых читались испытующий холодок, отчуждение и презрение. Хэ Чанвэй сидел за низким столом, сжав в пальцах кисть с мягким ворсом; зависший в воздухе кончик долго не мог опуститься на бумагу, пока капля туши не сорвалась вниз, расплывшись на листе черным безобразным пятном.

Каждое ругательство и упрек, доносившиеся снаружи, разили сердце, словно острый клинок.

С малых лет изучая мудрые книги и почитая доброе имя превыше самой жизни, этот чиновник-одиночка теперь нес на себе позорное клеймо предателя и прихвостня.

Лицо Хэ Чанвэй было бледно как полотно, тонкие губы крепко сжаты в ниточку. И хотя спина его по-прежнему держалась прямо, в глазах плескались неизбывная боль и растерянность. Он поддержал реформы ради реальной пользы простого народа, а в награду получил всеобщее проклятие.

В разгар терзавших его мук тяжелые двери Управления министерства финансов распахнулись от мощного толчка.

В поле зрения возникло роскошное черно-красное королевское одеяние, и Чжань Сюйтань уверенной, властной походкой вошел внутрь. Стражники за его спиной оттолкнули попытавшихся преградить путь чиновников, и давящая аура зрелого политика мгновенно заполнила все помещение.

Чжань Сюйтань с первого же взгляда заметил сидевшего у стола молодого чиновника — бледного и потерянного.

Подойдя вплотную, он протянул руку, забрал застывшую в воздухе кисть и швырнул ее на стол. Опершись обеими руками о столешницу, Чжань Сюйтань с высоты своего роста пристально посмотрел на поникшего юношу.

Господин Хэ, поглядите на себя: ну вылитый мальчик для битья, — произнес он, и в его голосе прозвучало три части насмешки и семь — власти. — Пара бродячих сказителей сболтнули глупости, а у вас уже кисть из рук валится?

Хэ Чанвэй медленно поднял голову; его глаза были испещрены красными жилками, а голос звучал хрипло, но холодно:

Моя репутация уничтожена дотла. Все столичные ученые уверены, что я сговорился с вельможей и предал великий долг. Неужели ван пожаловал сюда, чтобы посмеяться над моим позором?

Чжань Сюйтань холодно усмехнулся, провел рукой по аккуратно подстриженной короткой бороде на подбородке, и в его темных глазах мелькнула острая искра.

Репутация? Да это просто моральный шантаж, — он откинулся на стоявшем напротив стуле, закинув ногу за ногу и приняв непринужденную позу. — Господин Хэ, там, откуда я родом, для того, с чем вы сейчас столкнулись, есть специальный термин: кризис связей с общественностью.

Хэ Чанвэй слегка растерялся и с трудом повторил незнакомое словосочетание:

Кризис... связей с общественностью?

Верно, война смыслов и черный пиар, — Чжань Сюйтань чуть подался вперед, и его колючая щетина отчетливо выделилась в лучах мягкого света. — Те старые пеньки не смогли одолеть мои институциональные реформы и решили сыграть на общественной жажде сенсаций вокруг рухнувшей репутации честного чиновника, чтобы втоптать вас в грязь информационной войной. Стоит только запятнать ваше имя — и Новая политика утратит всякую легитимность.

Хэ Чанвэй горько усмехнулся и опустил взгляд:

Слухи — все равно что бурный поток или свирепый зверь. Толпа способна расплавить золото, а бесконечные обвинения сотрут меня в порошок. Я чист перед совестью, но теперь мне не отмыться.

Кто сказал, что не отмыться? — Чжань Сюйтань резко хлопнул по столу, и в его глазах заплесала уверенность человека, привыкшего вершить судьбы. — Управлять ветром мнений, обеляться, создавать безупречный образ и вести контрпропаганду — это мое ремесло. В прошлой жизни я провел столько информационных войн, что вам и не снилось!

Он протянул руку, ухватил Хэ Чанвэя за подбородок и заставил запрокинуть голову; жесткая щетина случайно мазнула по холодной щеке.

Запомните: общественное мнение — это обоюдоострый меч, и кто держит каналы вещания, тот и определяет правду. Те стариканы думают, что могут купить человеческие сердца парой баснописцев? Сегодня я покажу этим древним людям, что такое настоящее медийное управление!

Ощущая тепло чужих пальцев на подбородке и исходящую от мужчины уверенность, Хэ Чанвэй почувствовал, как в его заледеневшем и отчаявшемся сердце неожиданно поднимается волна трепета.

Чжань Сюйтань отпустил его, повернулся к выходу и отдал приказ глухим, властным голосом:

Передайте тайный приказ моим людям, что следят за внешними кварталами: пусть немедленно доставят сюда главарей нищих, с которыми у резиденции налажена связь, парочку знающих толк в новостях детских песенных артелей и распорядителя сказителей из Цзюсяньлоу.

Командир тайной стражи поклонился в знак согласия, но на секунду замаялся, и тень сомнения мелькнула на его лице.

Ваш высочество, слухи в народе ходят самые разные; если задействовать лишь горстку людей, не стоит ли отправить больше стражников, чтобы пресечь инакомыслие на рынках и в переулках?

Чжань Сюйтань усмехнулся, заложил руки за спину и развернулся, сверкнув пронзительным взглядом:

Силовое подавление вызовет лишь обратную волну. Нам нужно пустить ладью по течению, чтобы народ сам пришел к новому выводу. Ступайте, я хочу посмотреть, удастся ли мне за пару дней полностью развернуть столичный ветер в другую сторону!

Под руководством регента исподволь завязывалась неведомая доселе в древности битва за общественное мнение.

В тайной комнате резиденции ярко горели свечи.

Сбросив тяжелые парадные одежды, в простой рубашке с короткими рукавами Чжань Сюйтань стоял перед огромной картой столицы.

Командир тайных стражей почтительно опустился на колени, ожидая указаний.

Ваш высочество, выяснено: слухи распускают те самые чайные сказители, чьи услуги тайком оплачивает глава цензора, — доложил он приглушенным голосом.

Уголки губ Чжань Сюйтаня изогнулись в демонической усмешке. Зажав в пальцах тонкий бамбуковый прут, он несколько раз ткнул им в карту.

Раз источник найден, действовать будет проще. Запомните: в борьбе с черным пиаром простые опровержения бесполезны. Публике плевать на холодные оправдания — ей нужны драма, эмоциональный отклик и героизм!

Он обернулся и посмотрел на Хэ Чанвэя, наблюдавшего за ним от стола.

Шаг первый: управление отзывами и контроль над настроениями. Слушайте приказ: задействуйте все доступные сети в городской толпе и соберите мою собственную армию интернет-троллей древности. Выдайте им достаточно денег и провизии, чтобы они разошлись по всем крупным чайным, кабакам и харчевням.

Командир стражи опешил:

Армию... кого?

Чжань Сюйтань приподнял бровь:

Неважно как называть. Главное, запомните: если с сегодняшнего дня кто-то начнет порочить

господина Хэ, там же должен найтись человек, который развернет разговор в нужное русло.

Он небрежно швырнул несколько связанных в тонкие брошюры тетрадей к ногам командира.

Какова задача вашей интернет-армии? Когда со сцены зазвучит клевета в адрес господина Хэ, в зале тут же должен подняться кто-то со встречными вопросами и заставить толпу задуматься!

Командир опустил голову, перевернул брошюру и, взглядевшись в густо исписанные диалоги, нахмурился, выражая всем видом немалое затруднение.

Ваш высочество, внедрять агентов в чайные для подстрекательства толпы — дело понятное, но вот эти реплики... Слишком уж просторечные и грубые. Если бородатые мужланы станут орать такое в благородных залах, это неизбежно привлечет подозрения окружающих.

Чжань Сюйтань легко рассмеялся и, заложив руки за спину, зашагал к окну:

Слова и должны быть простыми, чтобы выглядеть естественной реакцией обывателей. Пароли и реплики я уже придумал: вроде — Первому этажу лайк, автор молодец!

Командир тайной стражи опустил на колени, глядя в тетрадь, но на его лице все еще читалось сомнение:

Ваш высочество, я туп... Мои люди в подгородных слободах привыкли лишь собирать вести, а заставить их открыто править настроениями в чайных — боюсь, они не скоро свыкнутся с такой ролью.

Чжань Сюйтань приподнял брови, постучал пальцем по столу, а затем с легким смешком отмахнулся:

Тогда передайте им: по завершении дела награда будет двойной. Чего ради беречь гордость? Запомните, нам нужно задавать ритм, а не изображать благопристойных литераторов. Пусть читают по моим сценариям, хоть бы и на сленге.

Он на мгновение осекся, хлопнув себя ладонью по лбу и весело рассмеявшись.

Забыл совсем, здесь же не форум в интернете с ветками комментариев.

Слегка покачав головой, он звонко поправил себя:

Ладно, к черту! Пусть используют местный вариант: Милорд прозорлив, в этом деле явно

кроется тайный умысел!

Командир слушал его с квадратными глазами: хоть он и не уразумел до конца сути всех этих армий и контроля мнений, приказание запомнил крепко-накрепко.

Шаг второй: создание контрастного образа, — Чжань Сюйтань погладил бороду, и его темные глаза ярко засияли. — Раз сказители твердят, будто господин Хэ запродавал себя ради чина, мы пойдем по этому пути, но перевернем историю с ног на голову!

Он подошел к Хэ Чанвэю и навис над ним сверху:

Мы вылепим из вас трагического героя, который ради простого народа добровольно принял на себя унижения, влез в логово зверя и согласился нести позор на века, лишь бы сберечь государственную казну и деньги для помощи голодающим!

Хэ Чанвэй от услышанного потерял дар речи, а на его утонченном лице запечатлелось полнейшее потрясение:

Ваш высочество... это же... чистой воды выдумка!

Это пиар-упаковка! Это переворот нарратива! — Чжань Сюйтань хлопнул Хэ Чанвэя по плечу, улыбаясь словно старый и хитроумный лис. — Истина слишком пресна, но образ неподкупного чиновника, который готов терпеть несправедливые обвинения от всего света ради великого дела, заставит пролить слезы и проникнуться сочувствием любого обывателя!

Шаг третий: матричное распространение, — Чжань Сюйтань снова повернулся к стражнику. — За ночь сочинить три легко запоминающиеся детские песенки и пустить их в народ, чтобы малыши распевали их на улицах. В стихах должно петься о том, как помощник министра ночами напролет сверял бухгалтерию, выбиваясь из сил ради экономии каждой горсти зерна для бедняков. И еще: подкупите главного столичного сказителя, пусть завтра в час петуха он даст сольное представление в самом крупном кабаке!

Отдав серию четких, взаимосвязанных указаний, составлявших единый комплекс современных пиар-ударов, командир тайной стражи умчался исполнять приказ.

В тайной комнате остались лишь они вдвоем.

Хэ Чанвэй сидел неподвижно, глядя на этого полного энергии мужчину, который так легко и уверенно перекраивал реальность, и испытываемый им шок превосходил любые границы.

Подобные методы точного расчета человеческих сердец, общественного мнения и тончайшей настройки эмоций далеко превосходили любые древние трактаты по государственному управлению.

Чжань Сюйтань обернулся, посмотрел на замершего Хэ Чанвэя, в пару шагов преодолел расстояние между ними и, наклонившись, фактически запер его на стуле своими руками.

Колючая щетина случайно задела пылающую мочку уха Хэ Чанвэя, а низкий голос, пропитанный собственническим инстинктом, прозвучал прямо у него над ухом:

Господин Хэ, я уже говорил: ваша задача — охранять собственную прямогу и великие идеалы. А всю ту грязь, что вылили на вас... я ведро за ведром вылью обратно на головы тех стариканов!

Ощущая идущее от уха покалывание вместе с исходящим от мужчины теплом, Хэ Чанвэй почувствовал, как сердце окончательно вышло из-под контроля. Он отвернулся, не смея встретиться взглядом с бездонными глазами собеседника, и при этом судорожно вцепился в собственную одежду.

Грандиозная атака общественного мнения, равной которой еще не знала история, вот-вот должна была взбудоражить столицу.

**

На следующий день в час петуха в самом крупном столичном заведении — Цзюсяньлоу — не осталось свободных мест; даже у входа и на улице толпилась шумная гурьба желающих послушать рассказ.

Сказитель восседал на возвышении, касаясь колотушки и храня загадочное выражение лица. Прошлой ночью самый знаменитый рассказчик столицы получил от резиденции регента бумагу, освобождавшую его семью от всех налогов на десять лет, а также пожалование в виде двухдворного особняка в самом престижном районе Внутреннего города. Вдобавок прилагался новый сценарий — захватывающий и пронзительный до глубины души.

Помощь пострадавшим от бедствий, вскрытые за последний месяц финансовые отчеты министерства финансов, реальные суммы незаконных присвоений Министерства общественных работ, а также все подробности упорной борьбы Хэ Чанвэя при обсуждении бюджета — всё это тайные агенты свели воедино за одну ночь.

Сценарий не был плодом абсурдных фантазий: семь частей железной правды, смешанные с тремя частями художественной упаковки, создавали образ трагического верного слуги из уст чайного рассказителя.

Сухие казенные бумаги не способны проникнуть в сердца простых людей, и лишь наполненные кровью и слезами истории способны растрогать толпу.

Чжань Сюйтань стоял у стола, постукивая длинными пальцами по дереву, а его взгляд

скользил по толстым свиткам.

Политический противник попытался извлекать человека из грязи, а я намерен вылепить ему золотое изваяние из фактов. На пустых домыслах далеко не уедешь, и лишь влив железные доказательства в театральное представление, можно заставить простой люд увидеть истинного господина Хэ.

При мерцающем свете свечей на губах регента играла точная, полная профессионального расчета улыбка, когда он передавал план действий тайному агенту.

При мерцающем свете свечей на губах Чжань Сюитаня играла та же точная улыбка, когда он завершал последние указания.

Используя многолетний опыт предвыборных кампаний из прошлой жизни, он мастерски соединил анализ народных настроений, психологию масс и ритмику информационных потоков — так исподволь начиналась беспрецедентная политическая пропагандистская война.

Деревянная колотушка тяжело ударила о стол, издав звонкий, чистый звук.

Сказитель прочистил горло, и его раскатистый, уверенный голос мгновенно разнесся по всему залу:

Уважаемые гости, вчера каждый из нас слышал толки о том, будто помощник министра Хэ продался властолюбцу и предал принципы. Но знаете ли вы, что всего три дня назад на рассвете, когда господин Хэ вошел в резиденцию регента с книгами расходов в руках, за поясом у него был зажат кинжал!

По залу прокатился гул изумления.

Затесавшиеся среди толпы нищие и городские бродяги тут же затаились:

Милорд прозорлив, в этом деле явно кроется тайный умысел! Рассказывай же скорее!

Взмахнув складным веером, сказитель с чувством продолжил:

Господин Хэ шел на смерть, желая ценой собственной крови выбить из казны серебро на помощь голодающим. Регент хоть и правит железной рукой, но был глубоко потрясен тем безразличием к собственной жизни, с которым господин Хэ защищал великий долг! Трое суток они спорили в тиши кабинета, и каждое слово помощника министра было обращено к беднякам Южного города. Он предпочел стерпеть непонимание и проклятия всех придворных сановников, лишь бы собственными руками сорвать черную пенасть воровства и приписок Министерства общественных работ!

По мере того как история достигала кульминации, сказитель рисовал образ Хэ Чанвэя как трагического героя, который ради спасения хлеба для голодающих без колебаний вошел в логово тигра под градом проклятий.

Внутри чайного дома воцарилась гробовая тишина, и многие сердобольные слушатели даже украдкой утирали слезы.

Засланные люди вовремя подхватили в толпе:

Как глубоки помыслы господина Хэ! А мы чуть было не поверили сплетням, какой позор!

Господин Хэ — поистине первый праведник нашего времени!

В то же время по всем столичным улицам и переулкам зазвучали легкие, запоминающиеся детские песенки.

Дети, взявшись за руки, прыгали по дворам и распевали стишки о том, как помощник министра ночами напролет горел при свечах над цифрами, надрывая сердце ради экономии каждого зернышка помощи. Простой люд легче всего пронять такими искренними историями: вслед за песенками и рассказами чайных мастеров настроение столицы качнулось вспять, упреки в адрес Хэ Чанвэя сошли на нет, а на смену им пришло всеобщее уважение и глубокая жалость к молодому чиновнику.

Литераторы, что недавно устраивали шумные пикеты у ворот Гоцзыцзяня, прослышав об этом, испытали жгучий стыд и толпой направились к особняку Хэ, чтобы принести извинения и начисто вымыть все следы нечистот.

Буквально за несколько дней столичные настроения совершили переворот на сто восемьдесят градусов.

Глава цензората, сидя в своем особняке и выслушивая последние донесения эконома, в бешенстве разбил любимую белофотфоровую чашку. Лицо его посинело, а тело била крупная дрожь: он никак не ожидал, что тщательно выстроенная ловушка обернется против него же и принесет Хэ Чанвэю небывалую всенародную славу.

В Управлении министерства финансов тягостная и мрачная атмосфера исчезла без следа.

Коллеги смотрели на Хэ Чанвэя с благоговейным трепетом и раскаянием, то и дело подходя выразить почтение и предложить чашку чаю.

Хэ Чанвэй сидел за столом, слушая доносившиеся с улицы хвалебные песни народа и заботливые голоса сослуживцев, и душа его испытывала непередаваемое потрясение.

Чудовищный кризис, грозивший ввергнуть его в пучину позора и уничтожить репутацию, был легко и изящно разрешен руками того человека, да еще и обратился в вершину политического авторитета.

Осознав, как легко качнулась в нужную сторону столичная улица всего за пару дней, Хэ Чанвэй ощутил невероятный внутренний переворот и воочию познал всю ужасающую мощь управления мнением и человеческими сердцами.

Снаружи раздались тяжелые, властные шаги: облаченный в черно-красные одежды Чжань Сюйтань вошел в комнату и взмахом руки выпроводил чиновников.

Приблизившись к столу, он посмотрел на Хэ Чанвэя сверху вниз, а короткая щетина на подбородке изогнулась в гордой и лукавой улыбке.

Ну как, господин Хэ? Моя предвыборная стратегия использования чужой силы оказалась достаточно зрелой?

Скрестив руки на груди, Чжань Сюйтань элегантно оперлся о ствол грушевого дерева спинки стула, а в его голосе звучали нотки четко просчитанного магнетизма.

Судя по накалу страстей в обсуждениях и управлению эмоциями, чайные сказители да уличный люд нынче превозносят ваш пылкий патриотизм так, будто вы — живое божество, спасшее мир.

Хэ Чанвэй медленно поднялся. Его утонченное лицо слегка порозовело, а во взгляде смешалось множество чувств.

Искусству вана нет равных, я восхищен, — он глубоко вздохнул, сложил руки в поклоне и опустил голову. — Только... история оказалась слишком приукрашена, я недостойн стольких похвал.

Чжань Сюйтань протянул руку, перехватил Хэ Чанвэя за запястье и притянул к себе так, что колючая щетина вновь легонько скользнула по покрасневшему уху.

Недостойны? — он издал низкий грудной смешок, а темные глаза сверкнули океанской глубиной. — Вы душой болеете за весь мир, а я лишь помог донести эту правду до людей. Запоминайте: если впредь случится подобное, не нужно стоять насмерть в одиночку — я всегда прикрою вашу спину.

Ощущая исходящее от близости тепло и испытывая щекотку у самого уха, Хэ Чанвэй чувствовал, как бешено колотится сердце, а в его гордой и неприступной прежде душе трескается еще одна ледяная стена.

Борьба в императорских залах еще не закончилась, но остановить зарождавшееся в тишине чувство было уже невозможно.

<http://bllate.org/book/20997/2134891>